

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-71-75

**«НА ИХ ЯЗЫКЕ ЭТО НАЗЫВАЛОСЬ „НОЧНАЯ ОПЕРАЦИЯ“»: РЕФЛЕКСИЯ О ЯЗЫКЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ**

© Александра Семенова

**IN THEIR LANGUAGE IT WAS CALLED “NIGHT OPERATION”:  
THE REFLECTION ON LANGUAGE IN THE MEMORIES OF  
N. MANDELSHTAM**

**Aleksandra Semenova**

The memoirs of N. Mandelstam are well known to a wide range of readers, but the attention of researchers to these texts is often due to the interest directed at the personality and work of O. Mandelstam. Literary critics actively use “Memoirs”, “The Second Book”, and “About Akhmatova”, but linguistic studies practically do not touch on her extensive memoirs. The article considers aspects of the author’s reflection on the language in the memoirs of N. Mandelstam. Particular attention is paid to the explication and analysis of the key oppositions “we – they”, “ours – theirs”, implemented by various linguistic means, as well as the reflexive activity of the memoirist, which is addressed, among other things, to the characteristic features of the language of different social groups. The genre affiliation of the analyzed material allows us to touch upon the problem of self-identification and self-presentation, which are ambiguously manifested in the text due to the addressing specifics of N. Mandelstam’s ego-document. The article also analyzes a number of characteristic features inherent in the so-called “female” writing.

*Keywords:* Nadezhda Mandelstam, memoirs, reflection on language, self-identification, self-presentation, “female” writing

Мемуары Надежды Яковлевны Мандельштам достаточно известны широкому кругу читателей, однако внимание исследователей, которое уделяется этим текстам, зачастую обусловлено интересом, направленным на личность и творчество Осипа Эмильевича Мандельштама. Безусловно, литературоведы активно используют в своих трудах «Воспоминания», «Вторую книгу», «Об Ахматовой», однако собственно лингвистические исследования практически не касаются обширного мемуарного наследия писательницы. В статье предпринята попытка рассмотреть аспекты авторской рефлексии о языке, представленной в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам. Особое внимание направлено на экспликацию и анализ ключевых, реализованных различными языковыми средствами оппозиций «мы – они», «наше – их», а также на рефлексивную деятельность мемуаристки, обращенную в том числе на специфику языка разных социальных групп. Жанровая принадлежность анализируемого материала позволяет затронуть проблему самоидентификации и самопрезентации, неоднозначно проявляющихся в тексте из-за специфики адресованности эго-документа Н. Я. Мандельштам. Также в статье проанализирован ряд характеристик, присущих так называемому «женскому» письму.

*Ключевые слова:* Надежда Мандельштам, мемуары, рефлексия о языке, самоидентификация, самопрезентация, «женское» письмо

*Для цитирования* Семенова А. «На их языке это называлось „ночная операция“»: рефлексия о языке в воспоминаниях Н. Я. Мандельштам // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 3 (73). С. 71–75. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-73-3-71-75

Мемуарная литература XX века – продуктивный материал для различного рода исследований в силу множества факторов. Этот тип эго-документов становится основой и для большого числа филологических трудов, однако зачастую в

работах, посвященных этому периоду, на первый план выходит рассмотрение литературоведческих аспектов текста. Значительный же интерес к изучению мемуарной прозы прошлого века с лингвистической точки зрения в последние годы

непрерывно возрастает и обуславливает появление исследований, посвященных эго-документам разных людей: от рабочего, описывающего быт советского общества [1], до высокопоставленного политического деятеля, рассказывающего о своем жизненном пути [2]. Внимание, обращаемое на автобиографические произведения деятелей культуры, кажется особенно пристальным, однако стоит отметить, что и оно оказывается порой узконаправленным. Так, например, интерес к личности и творчеству Осипа Мандельштама с каждым годом усиливается, порождая множество работ в области литературоведения и языкознания [3], [4], [5].

В то же время материалы, касающиеся Надежды Мандельштам, служат лишь историко-литературным сопровождением, контекстом анализа творчества поэта. Тексты, созданные ею, практически не рассматриваются в отрыве от произведений знаменитого мужа. При этом они, несомненно, не только являются важным свидетельством минувшей эпохи, но дают возможность говорить о том, какими языковыми средствами пользовались представители творческой интеллигенции XX века, какие нормы и ограничения существовали в данной среде и что служило стимулом для их возникновения. В связи с этим представляется, что мемуарная проза Н. Я. Мандельштам имеет не меньшее значение не только для изучения историко-литературного процесса, но и для лингвистических исследований. Стоит отметить особую ценность ее воспоминаний. С одной стороны, их можно сопоставить с жанром «дневника-черновика» [6, с. 16], поскольку они заключают в себе в том числе подробное описание литературных поисков О. Э. Мандельштама и, несмотря на то что их владельцем становится не сам поэт, приковывают к себе внимание исследователей благодаря тому, насколько глубоко мемуаристка была погружена в творчество супруга и как самозабвенно сохраняла все, что было возможно. С другой стороны, воспоминания Н. Я. Мандельштам, благодаря полноте и последовательности описания трагических событий XX века, в которые супруги были активно вовлечены, можно сопоставить с жанром «бытового» дневника, созданного «в период «великих потрясений» как общественного, так и частного характера [Там же].

Итак, материалом исследования послужил корпус мемуарной прозы Н. Я. Мандельштам, включающий в себя два наиболее крупных мемуарных текста: «Воспоминания» [7], работа над которым велась в 1958–1965 гг., и «Вторая книга» [8], создававшаяся в 1967–1970 гг.

Говоря о характере произведений Н. Я. Мандельштам, необходимо заметить, что она, вслед

за А. А. Ахматовой, называет период, которому посвящена значительная часть мемуаров, «вегетарианским временем» [7, с. 93], то есть годами, когда репрессии еще не были массовыми. Однако, как известно, супруги Мандельштам оказались среди тех, кто, не вписавшись в реалии нового российского государства, подвергся преследованию, в связи с чем в ее текстах регулярно и четко выделяются ключевые оппозиции «мы – они», «наше – их». Эти же оппозиции порождают рефлексию о языке, используемом представителями разных социальных страт. Так, например, из вводимых Н. Я. Мандельштам пояснений становится ясно, что лингвистические различия для нее – один из важнейших факторов взаимодействия со всем, что ее окружает:

«Каждый из них в какой-то пропорции участвовал в том, что на языке следователя называлось „акцией“ и в начале следствия рассматривалось как террористический акт» [Там же, с. 147] (здесь и далее разрядка наша. – А. С.).

Особый интерес вызывает и тот факт, что, подробно описывая контекст происходящего, писательница не только фиксирует диалоги, сохраняя, как представляется, малейшие подробности, но и вводит в текст «терминологию» нового времени, без которой, очевидно, сам формат повествования оказывается невозможным:

«О. М. вынул из кармана паспорт. Проверив, чекист предъявил ему ордер. О. М. прочел и кивнул. На их языке это называлось „ночная операция“» [Там же, с. 5–6].

Н. Я. Мандельштам на протяжении всего текста, рефлексируя над окружающими новыми реалиями и обозначающим их новым языком, словно создает для читателя краткий словарь с самыми необходимыми понятиями, четко маркируя, какие единицы языка употребляются каждой из социально и идеологически не совпадающих сторон. Так, значимым с точки зрения эвфемизации оказывается один из многих отрывков, связанных с А. А. Ахматовой. Показательно, что рефлексия мемуаристки о языке и речи наиболее развернуто и ярко представлена именно в этих частях текста. В данном случае обнаруживается пример, демонстрирующий возможности «коллективного творчества» и предлагающий новую номинацию для агентов, в чьи обязанности входила слежка за представителями опальной стороны:

«Что же касается тех, кого мы называли „Васями“, то я особенно хорошо запомнила одного <...> выходя из дому с Анной Андреевной,

мы стыдливо пробежали мимо пляшущего „Васи“» [Там же, с. 16].

При этом в рефлексивной деятельности автора наблюдается большее стремление не к толкованию, а к оценке описываемых языковых явлений, что можно классифицировать как один из способов метаязыковой интерпретации [9, с. 220]. Так, в предлагаемой Н. Я. Мандельштам «терминологии» отчетливо прослеживается не только эксплицитная языковая информация, но и психологический подтекст: «Он не заметил <...> того, что мы называли „гэпэушным презрением к людям“» [7, с. 255].

Стоит отметить, что для писательницы характерны регулярные отступления от основной линии повествования. Так, например, в тексте воспоминаний наряду с лаконичными толкованиями отдельных понятий появляются и более детальные рассуждения автора о тех языковых явлениях, которые, по мнению Н. Я. Мандельштам, претерпели изменения в период репрессий:

«Как это ни странно, но слово „совесть“, совершенно выпавшее у нас из обихода – оно не употреблялось ни в газетах, ни в книгах, ни в школе <...> сохранилось и работало „внутри“. Там постоянно угрожали подследственным „муками совести“» [Там же, с. 61–62].

Н. Я. Мандельштам неустанно обращается к размышлениям о причинах возникновения языковых «разногласий» в современном ей обществе. При этом важно отметить, что склонная к рассуждениям мемуаристка не только являлась женой творческого человека, но и сама обладала филологическим образованием, в связи с чем ее языковые наблюдения отличаются терминологичностью, пусть и не всегда академически точно выверенной:

«Фонетическим письмом и тонированием можно передать лишь самую грубую схему пауз, повышений и понижений голоса. За бортом остается долгота гласных, обертон и тембр» [Там же, с. 265].

Подобные «заметки» Н. Я. Мандельштам связаны не только с рефлексией – интересны и собственно филологические наблюдения, встречающиеся в разных частях воспоминаний. Так, продуктивным с этой точки зрения оказывается не только период регулярной коммуникации с представителями органов государственной власти, но и время вынужденного отъезда из столицы. Например, писательница фиксирует специфику говоров, распространенных в тех регионах, где супруги оказываются в ссылке:

«Граница говоров проходила чуть южнее Воронежа, и бабы, тыча пальцем в сушеные фрукты, спрашивали: „Це що за вышенки?..“» [Там же, с. 133].

Или, например, в одной из глав мемуаристка описывает, как определяет социальное происхождение (из народа) конвоира лишь по одному из произнесенных слов:

«Конвойный Оська <...> сказал: „Успокой его! Скажи, что у нас за песни не расстреливают...“ О том, что речь идет о стихах – по-народному они называются песнями, – Оська догадался из наших разговоров» [Там же, с. 46–47].

Непрерывно размышляя о функционировании языка в современном ей обществе, Н. Я. Мандельштам регулярно переходит от частных наблюдений к анализу глобальных социальных трансформаций. Так, писательница неоднократно указывает на своеобразное обезличивание, проникающее и в социальную, и в частную жизнь каждого человека:

«В этом вареве и крошеве исчезло слово „я“. Оно стало почти постыдным, запрещенной темой. <...> Потеря „я“ выразилась в ущербности (мой случай) или в открытом индивидуализме – ведь эгоцентризм и самоутверждение его крайние проявления» [8, с. 8].

Подобный способ указания на себя через рассуждение о масштабных переменах общественного сознания весьма характерен для мемуаристки. В связи с этим не менее важным при изучении эго-документов Н. Я. Мандельштам представляется вопрос самоидентификации и самопрезентации автора. Сразу же необходимо отметить, что в качестве материала выступает специфический тип эго-документа – воспоминания, созданные спустя много лет после описываемых событий, что в некоторой степени затрудняет исследовательскую задачу по разграничению выражения авторской самоидентификации и самопрезентации. Так, М. А. Лаппо отмечает, что в автобиографических текстах самоидентификационный дискурс в большей степени проявляется, а самопрезентационный – максимально нейтрализуется [10, с. 21–22]. Однако нельзя не учитывать очевидной ориентированности «Воспоминаний» Н. Я. Мандельштам на большую читательскую аудиторию, а соответственно, возможности проявления самопрезентационного дискурса в ином объеме, чем, например, в жанре дневника или дружеской переписки.

Следуя концепции М. А. Лаппо, в анализируемых мемуарах можно выделить все основные типы

идентичности (семейно-родственную, гендерную, возрастную, национальную, профессиональную, религиозную, идеологическую [10, с. 27]), с разной степенью частоты актуализируемые в текстах воспоминаний. Одной из доминантных черт произведения становится указание Н. Я. Мандельштам на ее статус замужней женщины, что неоднократно эксплицируется с помощью местоимения «мы инклюзивного» и способствует вербализации семейно-родственного типа идентичности:

«Провинции мы не знали, знакомых у нас не было» [7, с. 88]; «Такого с нами никогда не было, если не считать, что нас благословил в греческой кофейне мой смешной приятель Маккавейский, и мы считали это вполне достаточным» [8, с. 130].

Однако, несмотря на регулярное использование данного способа вербализации идентичности, она неоднократно подчеркивает, что ее предназначение вовсе не ограничивалось бытовым пониманием социальной роли «жена», тем самым мемуаристка вводит в повествование мотив спасения, относящийся как к семье, так и к литературному наследию О. Э. Мандельштама, которые, по-видимому, оказываются для нее неразрывными:

«По характеру отбора бумаг можно всегда сообразить, на чем собираются строить обвинение, поэтому я навязалась чину в консультанты, читала трудный почерк О. М., датировала рукописи и отбивала все, что можно» [7, с. 9].

В связи с этим, говоря о наследии поэта, Н. Я. Мандельштам систематически вербализует психологический компонент сожаления, поскольку многие рукописи были безвозвратно утеряны:

«И я очень жалею, что среди бумаг, украденных вдовой Рудакова, пропали черновики стихов десятых и двадцатых годов <...> Я очень дорожила этими листочками» [Там же, с. 9–10].

Эта особенность текста писательницы оказывается важной и с точки зрения гендерных исследований русской литературы и мемуаристики, указывающих на такие особенности образа русской женщины, как самоотверженность, самоотречение, отношение к окружающим мужчинам, как к детям [11, с. 38]. Действительно, многие отрывки воспоминаний можно охарактеризовать, как типично «женское» письмо, поскольку те части текста, которые повествуют об аресте, заключении и ссылке, содержат рассуждения о еде, бытовых условиях, внешнем виде мужа, его одежде, самочувствии и практически всем том, что обычно относится исследователями к данному

типу письма. Однако сама Н. Я. Мандельштам, указывая на свой статус, идентифицирует себя с теми женами, которые разделяют с супругами все испытания, надеясь спасти не только человека, но и память о нем:

«Я должна была беречь силы, чтобы пройти по всем путям, уже протоптанным другими женами <...> только я могла все это спасти» [Там же, с. 14].

Такой способ построения текста, в соответствии с предложенными М. А. Лаппо семантическими формулами социальной идентичности, можно отнести к Формуле 3, предполагающей описание группы как бы со стороны, внешним наблюдателем [10, с. 14], которым в данном случае является сама Н. Я. Мандельштам. Рассуждая о судьбе тех, с кем она себя идентифицирует, писательница вводит мотив гадания, который в контексте непознанного традиционно относится исследователями к одной из «женских» тем [12, с. 123]. Такие отрывки строятся как с прямым указанием автора на себя: «Чем выше чин главного ночного гостя, тем серьезнее дело <...> Об этой форме гадания я услышала впервые» [7, с. 21]; так и с помощью описания группы, к которой причисляет себя мемуаристка: «возможно, что в этом восклицании содержится заклиная формула, вроде «чур-чур меня!»... Что нам оставалось делать, как не колдовать?..» [Там же, с. 26].

Таким образом, при детальном рассмотрении мемуарной прозы Н. Я. Мандельштам, помимо историко-культурных уточнений важных для понимания особенностей творчества и поэтической индивидуальности О. Э. Мандельштама, интересных бытовых наблюдений за жизнью человека в советском обществе, значимых рассуждений о специфике конструирования советского человека, обнаруживается и уникальный лингвистический материал, способный вызвать неподдельный интерес как с литературной, так и с языковедческой точки зрения. Рефлексивная деятельность писательницы о языке во многом основывается на специфике речи представителей разных социальных групп, что в свою очередь неразрывно связывается и с проявлением моделей самоидентификации и самопрезентации автора в тексте воспоминаний. Гендерная специфика эго-документов Н. Я. Мандельштам представляется неординарной и неоднозначной, однако это может служить стимулом для дальнейших исследований.

#### Список источников

1. Кабацков А. Н. Субъективный образ социальной структуры советского общества в дневниках А. И.

Дмитриева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 1. С. 15–22.

2. Деннингхаус В. Генеральный политрук: языковые особенности рабочих дневников Л. И. Брежнева // Идеи и идеалы. 2017. Т. 1. № 2. С. 92–102.

3. Нерлер П. М. Con amore: Этюды о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 856 с.

4. Сошкин Е. П. Гипограмматика. Книга о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 512 с.

5. Успенский П. Ф., Файнберг В. В. К русской речи: Идиоматика и семантика поэтического языка Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 360 с.

6. Ромашикина М. В. Дневник как литературная форма (С. Киркегор, М. Ю. Лермонтов, Ф. Кафка, А. Камю, Ж.-П. Сартр): автореф. дис. ... канд. филол. наук: М., 2016. 25 с.

7. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Книга, 1989. 483 с.

8. Мандельштам Н. Я. Вторая книга. Париж: Ymca Press, 1983. 724 с.

9. Вепрева И. Т. Что такое рефлексив? Кто он, homo reflectens? // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 217–227.

10. Лappo М. А. Самоидентификационный дискурс русской элитарной языковой личности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: Новосибирск, 2018. 35 с.

11. Курьянович А. В. Проявление авторского женского начала в письмах М. Цветаевой: опыт гендерной интерпретации текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 37–40.

12. Каркищенко Е. А. Гендерные стереотипы: дискурсивные средства формирования и репрезентации в коммуникативном поведении подростков: дис. ... канд. филол. наук: М., 2013. 272 с.

#### References

1. Kabatskov, A. N. (2019). *Sub"ektivnyi obraz sotsial'noi struktury sovetskogo obshchestva v dnevnikakh A. I. Dmitrieva* [Subjective Image of the Social Structure of Soviet Society in the Diaries of A. I. Dmitriev]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. No. 1, pp. 15–22. (In Russian)

2. Denningkhaus, V. (2017). *General'nyi politruk: yazykovye osobennosti rabochikh dnevnikov L. I.*

*Brezhneva* [General Political Instructor: Linguistic Features of L. I. Brezhnev's Working Diaries]. *Idei i idealy*. T. 1. No. 2, pp. 92–102. (In Russian)

3. Nerler, P. M. (2014). *Con amore: Etyudy o Mandel'shtame* [Con Amore: Etudes about Mandelstam]. 856 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

4. Soshkin, E. P. (2015). *Gipogrammatika. Kniga o Mandel'shtame* [Hypogrammar. A Book about Mandelstam]. 512 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

5. Uspenskii, P. F., Fainberg, V. V. (2020). *K russkoi rechi: Idiomatika i semantika poeticheskogo yazyka Mandel'shtama* [On Russian Speech: Idiomatics and Semantics of Mandelstam's Poetic Language]. 360 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

6. Romashkina, M. V. (2016). *Dnevnik kak literaturnaya forma (S. Kirkegor, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Diary as a Literary Form (S. Kierkegaard, M. Yu. Lermontov, F. Kafka, A. Camus, J.-P. Sartre): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 25 p. (In Russian)

7. Mandel'shtam, N. Ya. (1989). *Vospominaniya* [Memories]. 483 p. Moscow, Kniga. (In Russian)

8. Mandel'shtam, N. Ya. (1983). *Vtoraya kniga* [The Second Book]. 724 p. Paris, Ymca Press. (In Russian)

9. Vepрева, I. T. (2002). *Chto takoe reflektiv? Kto on, homo reflectens?* [What Is a Reflexive? Who Is He, Homo Reflectens?]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 24, pp. 217–227. (In Russian)

10. Lappo, M. A. (2018). *Samoidentifikatsionnyi diskurs russkoi elitarnoi yazykovoi lichnosti: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Self-Identification Discourse of the Russian Elite Linguistic Personality: Doctoral Thesis Abstract]. Novosibirsk, 35 p. (In Russian)

11. Kur'yanovich, A. V. (2004). *Proyavlenie avtorskogo zhenskogo nachala v pis'makh M. Tsvetaevoi: opyt gendernoi interpretatsii teksta* [The Manifestation of the Author's Feminine Nature in M. Tsvetaeva's Letters: An Experience of Gender Interpretation of the Text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 1, pp. 37–40. (In Russian)

12. Karkishchenko, E. A. (2013). *Gendernye stereotipy: diskursnye sredstva formirovaniya i reprezentatsii v kommunikativnom povedenii podrostkov: dis. ... kand. filol. nauk* [Gender Stereotypes: Discourse Means of Formation and Representation in the Communicative Behavior of Adolescents: Ph.D. Thesis]. Moscow, 272 p. (In Russian)

The article was submitted on 08.09.2023

Поступила в редакцию 08.09.2023

**Семенова Александра Александровна**, аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48. Semenova\_al\_al@mail.ru

**Semenova Aleksandra Aleksandrovna**, graduate student, Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russian Federation. Semenova\_al\_al@mail.ru